

Андрей ФРОЛОВ

ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2021

Фролов Андрей Владимирович родился в 1965 году в Орле. Автор шести книг стихотворений и сборника рассказов. Произведения публиковались во многих российских литературных журналах, вошли в антологию «Русская поэзия XXI век» и антологию современной литературы «Наше время». Лауреат ряда всероссийских литературных премий и конкурсов. Член Союза писателей России. Живёт в Орле.

ГДЕ-ТО В ЦЕНТРЕ... (городские эпизоды)

САМОРОДОК

Он подошёл ко мне в сумерках. Был тягучий августовский вечер. Я сидел на остановке вблизи своего дома, вовсе не собираясь никуда ехать. Редкие в это время троллейбусы, останавливаясь, чихали дверями просто ради приличия и ползли себе дальше, утомлённо покачивая рогами.

Его привёз один из троллейбусов-жуков. Мне показалось, что этот человек вышел, заметив моё присутствие на безлюдной остановке. Некоторое время он стоял в сторонке, вроде бы мной не интересуясь, потом кособоко приблизился.

– Выпить хочешь? – спросил он угрюмо.

Я не хотел, о чём и поведал ему в как можно более вежливой форме, немного опасаясь неприветливого гражданина.

– Надо захотеть, – убеждённо сказал странный тип. Глаза из-под кепки смотрели просительно.

Я присмотрелся к нему: вида простого, в возрасте, лет этак под пятьдесят, если и выпивши, то совсем немного – среднестатистический, как принято говорить, россиянин.

– Выпить надо, – он наконец объединил две свои первые фразы в более подходящую его мироощущению и достал из бокового кармана пиджака «четвёрку».

Такая настойчивость начинала томить, и я сказал уже грубовато:

– Надо, значит, пей. А я не хочу.

Незнакомец посмотрел на меня с некоторым интересом и одному ему понятными путями вывел умозаключение:

– Ясно. Закодированный, стало быть. Ну, давай я тебе газировки какой-нибудь куплю. Посидим.

– У вас какой-то праздник? – спросил я, морщась от мысли, что всё-таки дал втянуть себя в совершенно ненужную беседу.

– Да вроде того, какой-то, – он выглядел смущённым и растерянным. – Понимаешь, стих мой в газете напечатали.

Настала моя очередь проявить интерес:

– Вы писатель? Поэт?

... Газировки он купил в ларьке здесь же, на остановке. Купил ещё шоколадку – на закуску, выпил водки из пластикового стаканчика. Мы познакомились.

– Да какой там писатель! – восклицал мой новый знакомый почему-то с горечью. – Фрезеровщик я. Раньше-то никогда ничего такого не писал – и в голову не приходило. А тут вдруг – бах! И вот...

Он выдернул из кармана газету, развернул её и стал тыкать туда костистым пальцем.

– Валерке показал, а у него племян в газете работает...

Незнакомый мне Валерка или его газетчик-племянш, а может, и оба-двое, вкус имели. В свете фонаря и зажигалки, услужливо подставленной фрезеровщиком, я разглядел на газетной полосе среди десятка других и его стихотворение. Надо сказать, что были там и стихи, подписанные именами, известными публике читающей. Однако, насколько я мог судить, стихотворение рабочего выгодно отличалось от произведений маститых. Оно было свежим, неожиданно образным и явственно несло на себе отпечаток таланта автора.

Собеседник мой пребывал в полной прострации то ли от выпитой водки, то ли оттого, что никак не мог связать имя на газетной странице с собой, таким себе знакомым.

Я сдержанно похвалил его строки и спросил, не собирается ли он писать дальше.

– Вот уж делать мне нечего! Я так сопьюсь, нахрен. Сегодня, что, от радости пью, что ли? Ну не понимаю я, как такое случилось! Веришь? Не привык, когда не понимаю...

Проговорив ещё полчаса – о жёнах, детях, политэкономии, – мы расстались тепло, как добрые друзья. Он, казалось, вздохнул облегчённо, потому что нашёл нужного собеседника, снял со своих плеч хотя бы часть мучившего непонимания. А я не стал его убеждать в том, что писать стихи – его призвание, прекрасно зная, к чему это могло бы привести: он начал бы выдавливать из себя в страшных муках строки, рифмы и прочие стихотворные премудрости. Получалось бы, наверняка, в десятки раз хуже того, первого, продиктованного свыше. В результате хороший фрезеровщик лишь пополнил бы тесные ряды армии графоманов, получающих от рифмовки слов удовлетворение сродни сексуальному.

А может быть (ведь может?), эта капризная, своенравная дамочка, муза, когда-нибудь ещё хотя бы раз озарит моего нового знакомого своим чудесным лучом. Тогда мир получит ещё одно хорошее стихотворение.

ВИРУС

Еду в троллейбусе. Тесно, но атмосфера – то ли по причине выходного дня, то ли солнечной погоды – радостная. Непривычно культурная какая-то. «Передайте, пожалуйста, на билет», «Извините, вы не будете выходить?», «Присаживайтесь, я подвинусь», «Давайте поменяемся местами» – мягко шелестит по салону. Даже кондукторша, восседающая на возвышении, обилечивая пассажиров, вворачивает «пожалуйста – спасибо» в самые неподходящие места. Водитель приятным баритоном телевизионного диктора объявляет остановки. Все, а не через одну.

Преодолевая тесноту, в душу проникает и прочно там обосновывается уверенность в завтрашнем дне. Хочется делать добрые дела: ещё раз оплатить проезд или сказать что-нибудь приятное девушке, плотно притёртой к моему боку. Сказать, вроде, нечего, ограничиваюсь подбадривающей улыбкой. Девушка в ответ улыбается немного смущённо: извините, мол, давка. Едем в полном равновесии лёгких душ и потных тел, единым организмом, привычно встряхиваемым на неровностях дороги. На остановках троллейбус выдыхает одних пассажиров и всасывает других, обновляя организм. И тот не отторгает – принимает и растворяет!

Очередная остановка являет нам дамочку средних лет и отнюдь не средних размеров, прилично одетую, с хозяйственной сумкой в руках. Ей жарко, и, едва утвердившись на новом месте, она начинает стаскивать с себя тёплую кофту. Ограниченность салонного пространства жутко мешает вновь прибывшей, и дамочка негромко смакует обычные в таких случаях метафорические высказывания. Высокий мужчина в очках, стараясь облегчить её страдания, проворно открывает люк в крыше троллейбуса. Освежающая струя весело скачет по головам пассажиров. Организм здоров и функционирует нормально.

Но нет. Дамочка с сумкой, не успев дожевать претензии к духоте и тесноте, начинает немедленно одеваться, направляя негодование уже на конкретный объект – мужчину в очках:

– Чего распахнул? Не хватало ещё летом какой-нибудь вирус подцепить. И ещё, инфузория, улыбается!..

Укол нанесён, но необходимо развить атаку, закрепить превосходство, и дамочка делает это изящно, с выражением выплёвывая:

– Глиста очковая!..

Очкарик, не понимая, за что его так принародно, продолжает улыбаться, на всякий случай поправляя указательным пальцем предмет оскорбления. Этот интеллигентский жест ярит скандалистку сильнее, нежели не пролезающая в рукав кофты хозяйственная сумка. И сразу выясняется, что старушка, до сих пор мирно дремавшая, повиснув на поручне, стоит неправильно и следовало бы ей «сдвинуть мощи, чтоб людям не мешать», и что мужики рабочего вида, минуту назад беззлобно хохмившие с миловидной женщиной, «нажрут с утра и катаются, перегаром травят», а сама миловидная особа «мымра затаканная». И много чего ещё узнаём мы друг о друге.

Всё. Организм заболел. И вот уже симптоматично доносится с задней площадки:

– Куда прёшь?! Сними рюкзак-то!..

А с передней:

– Заткните своего ребёнка, уже уши болят!..

– Что ты меня удостоверением тычешь! – истерично вопит кондукторша, вцепившись обеими руками в тщедушного старичка. – Плати за проезд, а то в милицию сдам!..

Очкарик, нервно хлопая крышкой люка и тут же распахивая её снова, неумело швыряет в дамочку, так и не сумевшую до конца надеть кофту:

– Сама ты вирус!..

Больше ругательных слов в его лексиконе нет, и очкарик горестно умолкает!..

Вредоносная дамочка давно уже вышла на своей остановке, а троллейбус катится, бурля и пузырясь, как молодое вино, – пузыри то и дело лопаются в разных концах салона, обдавая окружающих грязью и зловонием.

Прижатая ко мне девушка вдруг хлопает прицельным выстрелом:

– Мужчина, уберите сумку, все коленки исцарапали!..

От меня незамедлительно рикошетит:

– В такси надо ездить с коленками!..

Едем дальше, чихая нетерпимостью, кашляя руганью.

ЗАБАВНЫЙ СЛУЧАЙ

Мужчине в трамвае стало плохо. Стоял-стоял и вдруг начал оседать, хватаясь руками за стоящих рядом граждан.

Салон разноголосо зашумел: «Ой, мамочки!», «Мужик упал!», «Передайте водителю, человеку плохо!», «Скорую» надо!..

Занедужившему моментально уступили сидячее место, водитель остановил вагон, кондукторша метнулась выяснять, в чём дело.

Мужик и правда выглядел неважно: серо-зелёный цвет лица, мутный взгляд, руками грудь скребёт. Какой-то энтузиаст распахнул ему куртку, снял шарф и уже на рубашке пуговики растёгивает!..

Подсказал ли кто водителю, или сам сориентировался, но он быстро подогнал вагон к расположенному неподалёку вытрезвителю.

– Молодец, – одобрил действия водителя пассажирский коллектив.

Люди бывалые сказали уверенно:

– Уж там-то врач обязательно есть. «Скорую-то» когда дождёшься!..

Отрицательные эмоции разыграли только у собственнo несчастного: сообразив, куда его привезли для оказания помощи, он легкомысленно попытался сбежать. Но заботливые граждане поймали беглеца на выходе и вернули обратно на сиденье, участливо приговаривая:

– Ну, куда же вы? Сейчас придёт доктор, и всё будет хорошо.

Докторша прибежала быстро и во всеоружии: с чемоданчиком в руке и фонендоскопом через плечо. Сочувствующие почтительно расступились, пропуская человека в белом халате.

Врачиха склонилась над больным, который начал стремительно розоветь, и тихо о чём-то с ним побеседовала. Потом она повернулась к перешептывающимся пассажирам и сказала:

– Всё нормально, товарищи.

Салон вновь одобрительно загудел.

Сам же больной, заметив в дверях вытрезвителя двух дюжих сотрудников в форме, восполь-

зовался паузой и совершил повторную попытку побега. На сей раз удачно. Впрочем, его уже никто и не ловил – докторского слова, обычно, достаточно, чтобы перестать волноваться за здоровье ближнего.

И побрёл мужик, поддерживаемый дружками (они, оказывается, тоже ехали в трамвае), подальше от ненавистного учреждения. А просто был он изрядно «взявши» и несколько раз ещё оглядывался, как бы говоря: помру на месте, но органам правопорядка не сдамся.

Вот и всё. Забавный случай.

А если серьёзно, буквально накануне я прочитал в «Комсомольской правде» о том, как мужчина умер в троллейбусе от сердечного приступа. В заметке приведены слова врачей «Скорой помощи», приехавшей, кстати, очень скоро. Доктора говорят, что человека можно было спасти, если до приезда медиков проделать некоторые нехитрые действия – например, обеспечить доступ воздуха к области сердца, расстегнув одежду.

Так что, коллектив моего трамвая заслуживает просто восхищения своей находчивостью. Всё сделали правильно: и рубаху расстегнули, и тревогу подняли, и подвезли в медучреждение без проволочек. Ни секунды не потеряли!

Были, конечно, были в нашем трамвае и такие, которые малодушно улизнули через открытую переднюю дверь, как только вагон остановился для оказания помощи – дела, наверное, не ждали. Ну да Господь им судья. Но большинство-то осталось и приняло живейшее участие в спасении человека. Может, тоже «Комсомолку» читали?

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

Бегу к остановке, застёгиваясь на ходу: опаздываю на работу, не подвёл бы транспорт. Из-за поворота выскакивает «маршрутка». Та, что нужна.

Плюхаюсь на переднее сиденье, слегка потеснив сидящую рядом с водителем даму. Она едва успевает выдернуть из-под меня полу красного плаща. Машина рвёт с места. Может, теперь успею...

«Газель», оправдывая своё имя, бежит быстро. Водитель, бросив руль, отсчитывает кому-то сдачу со ста рублей. Пассажиры нетерпеливо ёрзают на сиденьях – утром спешат все.

Торопится и дама, сидящая рядом, – она несколько раз спрашивает у меня о времени. Ей выходить «на универмаге», о чем она кокетливо сообщает водителю и мне, поскольку я сижу возле двери и должен её пропустить. Краем глаза замечаю: симпатичная.

Возле универмага выпрыгиваю из машины и придерживаю дверь, давая даме выйти. Она выкарабкивается из «маршрутки» и укоряет меня:

– Могли бы руку подать.

... Что тут скажешь? Мог ведь... Мог бы, если бы подлая память едва осознанно не вытолкнула на поверхность случай, свидетелем которого недавно стал.

В почти пустой автобус на одной из остановок вошла женщина. Руки её были заняты объёмными сумками, лицо сосредоточенное. И пока она размышляла, куда бы эти, видимо, очень дорогие ей сумки пристроить, автобус живенько набрал скорость.

Что там случилось впереди – кошка ли дорогу перебежала или ещё что, не знаю, но водитель резко ударил по тормозам. Автобус дёрнулся – и женщина, едва касаясь ногами пола, понеслась по проходу, широко расставив руки с сумками. Если бы не комичная суетливость, её вполне можно было бы сравнить с бомбардировщиком на взлётной полосе. Конец короткого разбега был очевиден – кабина водителя, и приземление не обещало быть мягким, потому что сумки бросить женщина или не хотела или уже не могла.

Мужество и сообразительность проявил молодой человек, сидевший на одном из передних сидений лицом против хода автобуса. Преодолевав инерцию, он бросился со своего места к проходу и поймал летящую гражданку.

Герой? Как бы не так. В итоге «подвига» женщина оказалась сидящей на коленях спасителя, а тот вдобавок, справедливо полагая, что времени на обдумывание не имеет, умудрился поймать её не за какую-нибудь невинную часть тела, а за самую что ни на есть интимную – за грудь то

есть. Завершился эпизод однозначно – женщина быстро вскочила и возопила:

– Хам! Нахал! – И врезала парню сразу обесценившейся по сравнению с её оскорблённым достоинством сумкой. Сначала одной, а затем другой. Сгорая от стыда, молодой человек сошёл на следующей остановке...

Как отреагировала бы сегодняшняя дама, протяни я к ней руку? Вопрос. Тем не менее, весь дальнейший путь я мучился угрызениями совести. Ведь мог же руку подать! Мог! Но не подал. Что же это за время-то такое лихое настало, если прежде чем совершить благородный поступок, трижды подумаешь, а не сочтут ли это хамством?!

КОНЕЧНАЯ ОСТАНОВКА

Улица Первая Курская. Самый конец. Так называемое «кольцо» трамвая четвёртого маршрута. Внутри «кольца», на травке, привязанные чуть ли не к рельсам, пасутся козы. Из расположенной рядом психбольницы для уголовников доносится хоровое пение. Стройное, в общем, красивое пение. Видать, готовятся к смотру художественной самодеятельности. Напротив, по другую сторону стального пути, – насторожённо притаившаяся школа. Занятия идут уже третий день, и школьники начали понемногу отвыкать от летних каникул.

На конечной остановке трамвая женщина средних лет и интеллигентной наружности ждёт редких покупателей семечек, небольшой мешочек которых растёкся по табуретке. Ожидание скрашивается обменом мнениями с пожилым мужчиной о вчерашней серии телефильма «Каменская». У ног женщины пристроилась чёрно-белая собачка, деловито, без жадности поедающая семечки, которые продавщица время от времени щепотками бросает на землю.

Трамвайный звонок вспарывает тишину осеннего дня и долго верещит на одной ноте. Друг против друга стоят: коза – прочно упёршись в шпалы всеми четырьмя копытами, нагнув рога тую голову и тупо глядя в разные стороны; трамвай – опешив от подобной наглости. Кажется, он обалдело хлопает фарами. Победа пока за козой – на истеричные звонки она не реагирует.

Из вагона выскакивает молоденькая вагоновожатая и, ухватившись за верёвку, с причитаниями тянет животину с пути. Безрезультатно. На помощь приходит кондукторша: сдвинув за спину позвякивающую сумку, мощным пинком она отправляет козу в кювет. Та даже не обижается – видно, такой язык понятен ей более всего. Путь свободен. Трамвай подтягивается к остановке уже пустым – пассажиры покинули его во время козьего конфликта. Разбрелись по своим делам, не оглядываясь, – привыкли.

Из глубины улицы, где разночинные домишки громоздятся один на другой, приковыляла старушка с клюкой. Потихоньку перевалив внутрь стального «кольца», она принялась переставлять коз на другое место, где травка посочней. Натужно выдергивает из земли колья и, отойдя в сторону, забивает их обломком кирпича снова. Сил не хватает. Козы выдирают свежезабитые колышки и бодаются промеж собой, не стремясь, впрочем, покинуть пределы пастбища.

Народу на остановке собралось человек пятнадцать. Делать особо нечего, и все с интересом наблюдают за мытарствами старушки. Трамвай, позвякивая, умчался прочь, так и не открыв дверей. Народ погрозил вслед кулаком и принялся ждать следующий. Терпеливый у нас народ.

Со стороны почты вразвалку подошла тётка с большой сумкой. Никто и не обратил бы на неё внимания, влейся тётка в спокойные ряды ожидающих. Но она вдруг срывается с места и бежит к старушке, воюющей с козами.

– Как дала бы сейчас сумкой-то по башке! – кричит она, подбегая. – Чего ты с ними возжаешься?! На что они тебе?

– Дык, внуки же, правнуки... – бормочет старушка. – Хорошо молочка-то...

– Тыщу раз тебе говорила: продай их к чёртовой матери! Сил-то – два раза чихнуть осталось. И где они, твои правнуки? Нужна ты им?

– Санечка навещает, как же... – не сдаётся старушка.

Из-за поворота вырывается трамвайный вагон, и тётка, досадливо махнув рукой, спешит к остановке. Народные массы приходят в движение, придвигаются ближе к полотну – надо успеть занять места в вагоне. Опасения понятны: из школы вырвалась толпа младшеклассников и

стремительно несётся к остановке, сметая всё на своём пути. Нет сомнений, эти прорвутся в вагон «по трупам». Сумятицы добавляет собачонка, обожравшаяся семечками: она вскакивает с места и начинает весело лаять в сторону приближающегося трамвая.

Трамвай скрипит тормозами. Школьники, улюлюкая, прибавляют ходу. Собака брешет. Народ волнуется.

Трамвайные двери, лязгнув, открываются. Начинается сутолока: прибывшие пытаются выйти, желающие уехать – войти. Несмотря на то, что последних больше, побеждают те, что выходят, – они атакуют сверху, с трамвайной подножки.

Среди прибывших из вагона вываливается молодой парень нагловатого вида с бутылкой пива в руке. Разогретый борьбой при дверях и потому весёлый, он смачно, с оттяжкой, поддаёт остроносым ботинком радостную собачку. Отчаянно скуля, собака отлетает в угол остановочного павильона, под лавку, тут же вскакивает и с яростным лаем бросается на обидчика. Получает ещё удар и бросается снова. Не ожидавший подобной негибаемости от какой-то твари, парень роняет пивную бутылку и звереет.

Удары теперь сыплются на бедную собачонку с частотой пневматического кузнечного молота.

Опрокинув табуретку с семечками, на защиту животного спешит продавщица. Она храбро втискивается между слепым от ярости парнем и полуживой, но не сломленной собакой.

– Не бей! Не бей! Не бей!.. – кричит женщина.

Парень, грязно выругавшись, с трудом заставляет себя притормозить.

– Она кидается, а я смотреть должен, да? – он так и произносит: «кидается», с ударением на первый слог. – Твоя псина? Забирай и проваливай, пока тебя вместе с ней под трамвай не сунул!

Парень вальяжно направляется к магазину, на ходу поднимая с земли мешок с остатками семечек и пересыпав их себе в карман. Победитель.

– Вот и Санечка приехал... – тихо произносит тётка с сумкой, глядя в окно из трамвая.

Трамвай, противно скрипя колесами на повороте, отбывает. Мимо окон слева проплывает старушка, судорожно сжимающая в опущенных руках верёвку с козой, справа – стена тюремной психушки, из-за которой мощно доносится:

Москва! Звонят колокола!

Москва! Златые купола!...

